

УДК 316(075.8)

ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: ПОИСК НОВЫХ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ¹

В. С. СТЕПИН¹⁾

¹⁾Российская академия наук,
пр. Ленинский, 14, 119991, г. Москва, Россия

Констатируется, что современная цивилизация вошла в стадию нестабильности и кризисных состояний, за которой, как правило, следуют коренные качественные системные перемены. Это обуславливает необходимость при анализе современных изменений цивилизационного развития рассматривать глобальные цивилизационные изменения как сложную системную целостность. Такая трансформация выражена в концепции типов цивилизационного развития, при этом каждый тип следует рассматривать в его исторической эволюции. Поднимается проблема новых стратегий развития, которые могли бы обеспечить преодоление кардинальных глобальных кризисов, грозящих разрушением цивилизации и даже самоуничтожением человечества. Данные стратегии предполагают переосмысление типологического ядра социокультурного генома современной цивилизации. Подчеркивается важность выделения и фиксации в качестве исходного рубежа этих поисков идеала сохранения человечества как особой подсистемы биосферы и самой биосферы как сложной развивающейся ценностной системы.

Ключевые слова: типы цивилизационного развития; радикальная трансформация; экологический и антропологический кризис; культурно-генетический код; социокультурный геном современной цивилизации; система новых ценностей и жизненных смыслов; мировоззренческие универсалии культуры.

¹Основой статьи является расширенный текст пленарного доклада В. С. Стёпина на XVII Международных Лихачёвских научных чтениях «XXI век – радикальная трансформация типа цивилизационного развития» (г. Санкт-Петербург, 18–20 мая 2017 г.).

Образец цитирования:

Стёпин В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.

For citation:

Stepin V. S. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 6–11 (in Russ.).

Автор:

Вячеслав Семенович Стёпин – академик РАН, доктор философских наук, профессор; руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук.

Author:

Vyacheslav S. Stepin, academician of the Russian Academy of Sciences, doctor of science (philosophy), full professor; head of the section of philosophy, sociology, psychology and law, department of social science.
vsstepin@gmail.com

CIVILIZATION IN THE EPOCH OF CHANGES: SEARCH FOR NEW DEVELOPMENT STRATEGIES

V. S. STEPIN^a

^aRussian Academy of Sciences,
114 Leninskii Avenue, Moscow 119991, Russia

Modern civilization is ascertained to have entered the stage of instability and crisis followed, as a rule, by fundamental qualitative systemic changes. When analyzing modern changes in civilizational development, it requires considering the global civilizational changes as a complex systemic integrity. Such a transformation is expressed in the conception of types of civilizational development, each type of civilization development be considered in its historical evolution. The problem of new development strategies that could overcome the cardinal global crises entailing the destruction of civilization and even self-destruction of mankind is raised. These strategies suggest a rethinking of the typological core of the sociocultural genome of modern civilization. The importance of singling out and fixing as an initial boundary of these searches the ideal of preserving the mankind as a special subsystem of the biosphere and the biosphere itself as a complex evolving value system is underlined.

Key words: types of civilizational development; radical transformation; ecological and anthropological crisis; cultural and genetic code; socio-cultural genome of modern civilization; system of new values and vital meanings; world outlook universals of culture.

Сегодня уже почти очевидно, что современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности. Эти процессы всегда являются своего рода индикатором коренных качественных системных перемен.

Осмысление этих процессов предполагает применение двух взаимосвязанных типов знания: 1) содержательной концепции цивилизационного развития; 2) системного видения этого развития, применения в ходе его анализа методологических принципов, учитывающих особенности сложных исторически развивающихся систем.

При анализе современных изменений цивилизационного развития недостаточно выделять отдельные аспекты и факторы этого процесса. Важно рассматривать глобальные цивилизационные изменения как сложную системную целостность. Применение стандартного цивилизационного подхода не решает эту проблему. Необходимы обобщение и трансформация данного подхода. Такая трансформация выражена в концепции типов цивилизационного развития.

В других работах мы уже излагали основы этой концепции¹. Поэтому лишь конспективно выделим ее главные положения, чтобы обозначить позицию, которую полагаем продуктивной для анализа перспектив современной цивилизации.

В истории человечества можно выделить два типа цивилизационного развития – традиционалистский и техногенный. Каждый из них включал в свой состав соответствующие виды цивилизаций, отличающиеся друг от друга видовой спецификой, но вместе с тем объединяемые общими типологическими признаками. В стандартной цивилиза-

ционной концепции акцент сделан на специфике различных видов цивилизации. Их различие определяют через особенности культурно-генетического кода, в соответствии с которым они воспроизводятся.

Идея типов цивилизационного развития предполагает выявление в этих кодах некоторого инварианта, общего системообразующего ядра, которое объединяет цивилизации одного типа и отграничивает их от цивилизаций другого типа. В качестве такого рода объединяюще-разграничивающего ядра можно выделить ряд ключевых мировоззренческих универсалий (концептов, категорий) культуры, связанных между собой и функционирующих в качестве базовых жизненных смыслов и ценностей каждого из типов цивилизационного развития. Это ядро представлено универсалиями: «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «личность», «рациональность», «власть». Со смыслами этих базовых универсалий, их пониманием и переживанием скоррелированы смыслы других категорий культуры – свободы, справедливости, веры, добра, зла и т. п.

Понимание типологического ценностно-смыслового ядра, представленного базовыми универсалиями, радикально различно для традиционалистского и техногенного типов развития. Это ценностно-смысловое ядро в культуре каждого конкретного вида цивилизаций, относящихся к тому или иному типу, получает дополнительные конкретизирующие интерпретации, в результате чего предстает в форме уникального культурно-генетического кода, который различает виды цивилизаций, выражая специфику их жизненных миров.

¹Стёпин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 48–55; Стёпин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 18–29; Стёпин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 79–101, 261–276.

Разумеется, каждый тип цивилизационного развития следует рассматривать в его исторической эволюции. Исторически первым был традиционалистский тип развития. Техногенный – возник позднее в европейском регионе планеты. Начальной его стадией были эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения, сформировавшие духовную матрицу, систему новых ценностей и жизненных смыслов, которые образуют своего рода геном техногенных обществ. Он включал понимание человека как деятельностного существа, преобразующего окружающий мир; понимание деятельности как креативного действия, порождающего качественно новые объекты, состояния и процессы; идеал инноваций как приоритет над традициями (идеал прогресса); видение природы в качестве своего рода поля, преобразуемого человеком, резервуара ресурсов для деятельности; культ рациональности при доминанте научной рациональности; идеал суверенной автономной личности, не сращенной от рождения с определенной социальной общностью (кастой, кланом, классом, сословием), способной включаться в разные социальные общности; идею власти не только как господства человека над человеком, а преимущественно как господства над объектами (природными и социальными).

Это генетическое ядро техногенных обществ определяло их воспроизводство и историческое развитие. В качестве основных этапов данного развития можно выделить доиндустриальную, индустриальную и современную постиндустриальную стадии. В каждой из них, в свою очередь, могут быть зафиксированы качественно различные этапы. С этой точки зрения можно указать на различия и особенности индустриальной стадии до Первой мировой войны и после Первой мировой войны, именуемые в западной литературе первым и вторым модерном.

Данные модернизации разворачивались без радикального преобразования той матрицы ценностей, которая выступала типологическим ядром культурно-генетического кода техногенного типа. Техногенная цивилизация длительное время сосуществовала с традиционными обществами, оказывая на них всевозрастающее давление. Многие из них она колонизировала, другие – вынуждены были осуществлять догоняющие модернизации, основанные на заимствовании технологий и системы образования у развитых стран Запада. Такое заимствование всегда было связано с переносом пластов западной культуры на традиционалистскую почву. Ценности, обеспечивающие техногенный тип развития, сталкивались в этом процессе с традиционалистскими ценностями, модифицируя и трансформируя их.

В итоге традиционные общества в ходе модернизации превращались в особый вариант техно-

генных обществ, сохранивших и адаптировавших некоторые аспекты и фрагменты традиционных ценностей к ценностному ядру техногенного типа развития.

Концепция типов цивилизационного развития не отбрасывает позитивное содержание стандартного цивилизационного подхода (А. Тойнби, Н. Данилевского и др.), а включает его в свой состав. Вместе с тем она может быть согласована и с рядом ключевых положений марксистской формационной концепции, которая предстает как альтернативная стандартному цивилизационному подходу. Нетрудно обнаружить, что базисные ценности техногенного типа развития лежат в основе марксистского понимания общества. Концепция формаций описывала предысторию и историю техногенной цивилизации, но испытывала известные трудности применительно к традиционалистским обществам Востока. Два альтернативных и несовместимых подхода (цивилизационный и формационный) предстают в рамках концепции типов цивилизационного развития как дополнительные описания одной и той же сложной системной реальности, акцентируя внимание на ее разных аспектах. Техногенный тип цивилизационного развития дал человечеству множество достижений и долгое время воспринимался как магистральный путь общественного прогресса, но уже во второй половине XX в. проявились и начали обостряться многочисленные глобальные кризисы как вариации двух основных – экологического и антропологического – кризисов.

История последнего полувека свидетельствует о том, что великие технологические прорывы, глобализация, формирование общества потребления и организация мировой экономики по принципу стимулирования опережающего роста потребления, распространение рыночных отношений на все новые сферы человеческой жизнедеятельности – все эти сущностные характеристики современного цивилизационного развития приводили ко все большему обострению экологического и антропологического кризисов.

В результате возникла потребность в разработке новых стратегий развития, которые могли бы обеспечить преодоление кардинальных глобальных кризисов, грозящих разрушением цивилизации и даже самоуничтожением человечества.

Эти стратегии предполагают переосмысление типологического ядра социокультурного генома современной цивилизации. А такое переосмысление, в свою очередь, является первым шагом на пути к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

Такого рода переход, приводящий к изменению качества системы, часто именуют фазовым.

В общем виде он описывается в терминах теории сложных систем. В случае если речь идет об исторически развивающейся системе, он может привести к повышению степени ее сложности, возникновению новых уровней системной организации, которые, воздействуя на ранее сложившиеся уровни, изменяют их, накладывая определенные ограничения. В результате происходит смена предшествующей саморегуляции (гомеостаза) на новый вид саморегуляции.

Синергетика интегрально характеризует процесс фазового перехода в терминах динамического хаоса и самоорганизации. Но можно более дифференцированно описать этот переход, выделив три его стадии. Начальная стадия – это возникновение динамического хаоса, когда мутируют ранее сложившиеся программы саморегуляции системы и перестают работать ранее возникшие параметры порядка. Из спектра возможных сценариев развития системы, возникающих в точках бифуркации, может реализоваться любой, даже самый маловероятный. Количество их может быть достаточно большим, но не безграничным. Речь идет только о тех сценариях, которые не противоречат сложившимся объективным законам.

Реализации любого из возможных сценариев зависят от множества случайных факторов. Она характеризуется как действие вероятностной причинности, которая порождает аттракторы в нелинейной среде. На этой стадии фазовых переходов может сформироваться несколько аттракторов, соответственно, с разным, в том числе альтернативным, сценарием развития системы.

На второй стадии фазового перехода конкуренция сценариев может приводить к постепенному доминированию одного из них. В этом случае меняются первоначальные вероятности каждого из сценариев. Когда один из них начинает определять русло изменений системы, снижается вероятность реализации других.

Наконец, в качестве третьей стадии следует выделить особые состояния динамического хаоса, которые характеризуются в синергетике как «режим с обострением». На особую важность анализа этого режима не раз обращал внимание С. П. Курдюмов. На этой стадии доминирующий сценарий, определяющий русло изменения системы, резко повышает вероятность своей реализации, становится необратимым. Возникает своего рода целенаправленное движение к новому уровню организации системы, формированию новой программы саморегуляции и соответствующих ей параметров порядка. Главную роль в этом движении играет целевая причинность.

С. П. Курдюмов интегрально характеризовал эти процессы как влияние будущего на настоящее

и даже на прошлое. Внешне это выглядит иррационально, но только внешне. Образ влияния будущего на настоящее и прошлое имеет вполне рациональное обоснование, если учесть, что на заключительном этапе фазового перехода возникает новый уровень организации сложной системы, который оказывает активное обратное воздействие на ранее сложившиеся уровни, накладывая определенные ограничения на взаимодействие их элементов, и тем самым обеспечивает формирование нового типа системной целостности.

На эту тему можно привести множество поясняющих примеров. Сошлемся только на два из них. Первый касается взаимодействия двух основных программ человеческой жизнедеятельности – биогенетического кода и культуры. Формирование и развитие культуры как системы надбиологических регулятивов человеческой деятельности, поведения и общения не отменяло действия базисных биогенетических программ человека, представленных инстинктами питания, самосохранения, размножения (половой инстинкт). Но культура накладывает на них определенные ограничения, направляет их действие по определенному руслу, которое очерчено исторически сложившимися традициями, привычками, образцами поведения, нравственными и правовыми нормами. И только усваивая все эти программы в процессе воспитания, обучения, социализации, мы становимся людьми.

В качестве второго примера трансформации сложившихся уровней сложной системы (прошлого) при возникновении в ней новых уровней организации можно сослаться на исследованные В. И. Вернадским изменения геохимии нашей планеты под влиянием жизни¹.

Как отмечал ученый, возникновение и дальнейшая эволюция живого изменяло земную кору (осадочные породы и почвы – это следы биосфер прошлого; даже базальтовые породы под воздействием бактерий за миллионы лет превращались в граниты). Жизнь сформировала кислородную атмосферу планеты и насыщение кислородом Мирового океана, что, в свою очередь, создало условия для возникновения новых, более сложных форм живого.

Геохимия Земли, как подчеркивал В. И. Вернадский, в ходе эволюции переходит в биогеохимию, а затем, с возникновением человека и развитием его технологической деятельности, – в культурную биогеохимию.

Предсказание поведения сложной системы всегда предполагает, что возможное будущее, став настоящим, способно изменять прошлое.

В процессе столь радикальных преобразований, к которым следует отнести становление

¹См.: Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 124–140.

нового типа цивилизационного развития, фазовые переходы могут занимать длительный период. Становление техногенного типа развития исторически было растянуто более чем на два столетия. Конечно, в современном обществе темпы развития иные и фазовый переход может занять несколько десятилетий. Многие футурологи полагают, что середина века должна стать переломной в развитии цивилизации. Резкое возрастание нестабильности и кризисы могут быть интерпретированы как первая стадия фазового перехода, когда возникает динамический хаос, обозначаются точки бифуркации и альтернативные сценарии развития.

Современные споры о стратегиях глобализации могут быть рассмотрены под этим углом зрения. Сценарий однополярного мира, предполагающий безусловную доминанту современных западных ценностей, нацелен на продолжение уже принятой стратегии техногенного развития. Тогда как сценарий многополярного мира, где наряду с техногенными ценностями фигурируют сохранившиеся и адаптированные к ним некоторые фрагменты традиционалистских ментальностей, создает большие возможности для перехода к новому типу развития, стимулируя диалог культур и поиск новых ценностных ориентиров.

Сегодня особенно важно выделить и зафиксировать в качестве исходного рубежа этих поисков идеал сохранения человечества как особой подсистемы биосферы и самой биосферы как ценностной сложной развивающейся системы. Этот идеал отнюдь не тривиален, если учесть грядущий прорыв к новому технологическому укладу, предполагающему освоение конвергентных (*NBIC*) технологий. Обычно акцентируют внимание на позитивных возможностях, которые открывают новые технологии. О негативных, связанных с рисками упоминают в общем виде. Но уже сформулирована программа трансгуманизма – генетической и кибернетической трансформации человека, которая, как провозглашают ее приверженцы, должна привести к принципиально новому типу мыслящих существ, стоящих на высшей ступени эволюции по сравнению с человеком. Но история XX в. знает множество примеров, когда благие лозунги улучшения человека, создания человека будущего оборачивались противоположностью, приводили при их реализации к гибели миллионов. Бесспорно, что *NBIC*-технологии открывают огромные возможности лечения различных заболеваний, продления человеческой жизни, полноценной жизнедеятельности в старости. Но если речь идет о коренном изменении человеческой природы, то возникают риски и такие возможные сценарии, которые лишь будут приближать нас к уничтожению людей и разрушению культуры.

В целом *NBIC*-технологии при их разработке и внедрении потребуют сопровождающей социаль-

но-гуманитарной экспертизы, анализа и оценки вызываемых социальных, экологических и культурных последствий. Идеал сохранения биосферы и человечества в этом случае каждый раз должен выступать в функции пускового механизма и регулятора деятельности.

Нами неоднократно отмечалось, что новые ценности ниоткуда извне не придут – они должны начать формироваться в недрах техногенной культуры, и важно отыскать точки их роста. При внимательном анализе уже можно обнаружить начавшиеся модернизации и трансформации ценностного ядра техногенного типа цивилизационного развития, которое определяло это развитие начиная с эпохи Просвещения. Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традицию, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию.

Экологический кризис заставляет по-новому осмыслить концепт «природа». В отличие от эпохи становления и индустриального развития техногенной цивилизации, когда окружающая человека природная среда воспринималась как неорганическое поле для преобразующей деятельности и как неограниченный резервуар ресурсов, в XX в. наука сформировала альтернативное представление: окружающая нас природа – это живой организм, биосфера, глобальная экосистема, в которую человеческое общество включено в качестве особой подсистемы. Природная среда человеческого обитания не является неисчерпаемым резервуаром ресурсов для деятельности, многие типы ресурсов ограничены. Идеалу господства человека над природой противопоставляется идеал коэволюции общества и природы.

Эти новые образы природы и человеческой деятельности в чем-то перекликаются с традиционалистскими представлениями о природе как о живом организме, хотя и не являются их простым повторением. Они – результат достижений науки, включенных в научную картину мира. Рациональное осмысление и усвоение этих представлений в рамках современной системы образования являются необходимой предпосылкой для формирования экологического сознания. Но реализация этих предпосылок требует особых общественных усилий. Теоретически мы осознаем необходимость охраны окружающей среды, но на практике часто исходим из прежних представлений. Это относится как к отдельным людям, так и к государствам.

Развитые в экономическом отношении государства, перемещая производство своих корпораций в развивающиеся страны Азии и Африки, где рабочая сила дешевле, за редким исключением (Герма-

ния) не распространяют на них свое природоохранное законодательство. В результате загрязнение среды в планетарном масштабе только растет. Но главное препятствие к блокированию обостряющегося глобального экологического кризиса кроется в фундаментальных принципах организации современной рыночной экономики. Она ориентирована на постоянный рост потребления как условие роста ВВП. При этом, чтобы обеспечить потребительский спрос, его организуют искусственно, через рекламу, предлагающую ускоренно заменять вполне пригодные вещи более модными (хотя часто и не более качественными), упрощение технологий, ориентированных на производство быстро изнашивающихся товаров. Принцип «чем больше мы потребляем, тем лучше живем», как подчеркивает известный футуролог Э. Ласло, является глубинным основанием современной рыночной экономики. Этот принцип ученый оценивает как путь к экологической катастрофе.

Столкновение альтернативных идеалов в проблеме отношения человека к природе можно рассматривать как состояние общества переходного периода, когда на стадии динамического хаоса сталкиваются различные сценарии и соответствующие им программы развития. Осознание обществом необходимости мер по защите природе и экологической безопасности приводит в движение соответствующие социальные силы, которые наталкиваются на сопротивление других сил. Но без таких столкновений новые ценности и фундаментальные мировоззренческие смыслы не утверждаются как понимание и переживание человеком мира.

И еще об одной точке роста новых ценностей, которая трансформирует ценностные основания техногенного типа цивилизационного развития. Речь идет об утверждении в науке конца XX – начала XXI в. нового типа научной рациональности. Этот тип рациональности, который мы предлагаем обозначить как постнеклассический, ориентирован на освоение сложных развивающихся человеко-размерных систем (систем, включающих человека в качестве особого компонента). Этот тип систем становится доминирующим объектом изучения на переднем крае современной науки. Одной из особенностей постнеклассики является обнаружение недостаточности традиционных для науки форм методологической и этической регуляции исследовательского поиска. Чтобы обеспечить освоение сложных развивающихся человеко-размерных систем, необходимо сопоставление внутринаучных

этических регулятивов с более широкими, выходящими за рамки собственно науки гуманистическими принципами. Сопоставление такого типа достигается в ходе социально-этической экспертизы научно-технологических программ и проектов. Происходит модификация прежнего, присущего техногенной культуре понимания научной рациональности. Если ранее полагалось, что автономия науки обеспечивает генерацию в ней объективно истинного знания и автоматически реализует гуманистические идеалы, то теперь выясняется, что достижение этих целей в науке XXI в. требует дополнительного социально-этического контроля, который обеспечит выбор из множества возможных сценариев научно-технологического развития наиболее благоприятных, не угрожающих биосфере и человеческой социальности разрушением.

Наконец, остановимся на проблематизации присущих техногенной культуре смыслов концепта «власть». Эти смыслы, определяющие общественно-политический климат техногенных обществ, акцентируют понимание власти как контроля над объектом.

Во второй половине XX в. властные функции управления обществом были центрированы на контроле за социальными институтами, их модернизацией и функционированием. Развитие демократии и прав человека в определенной мере обеспечивало обратную связь системы «общество – власть», включая контроль за властью со стороны общества. Но в конце XX – начале XXI в. эта система стала разрушаться. Новые технологии обработки сознания масс людей открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляций с общественным сознанием со стороны анонимных социальных групп властной элиты, связанных с интересами финансовой олигархии и ее ролью в организации современного мирового рынка.

Пока применительно к этой ситуации не найдены точки роста новых ценностей, намечающие сценарии преодоления сегодняшних кризисов власти. Но сама проблематизация фундаментальных смыслов концепта «власть», определявших техногенный тип цивилизационного развития, также может быть расценена как своего рода индикатор трансформации ценностей техногенной культуры.

Сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития. Идея устойчивого развития цивилизации и преодоления глобальных кризисов не реализуема без выполнения этой задачи.

*Статья поступила в редколлегию 04.09.2017.
Received by editorial board 04.09.2017.*